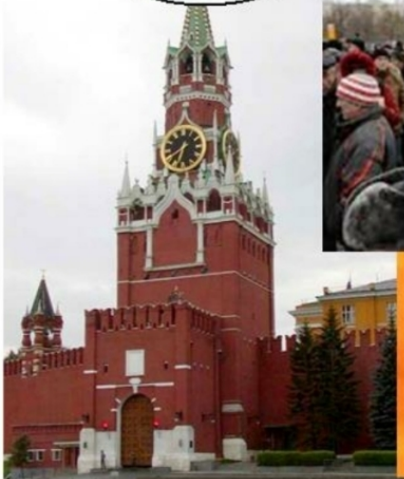

Дмитрий Бойко

Двойник господина П

16+

Дмитрий Бойко
Двойник господина П.

«Автор»

2017

Бойко Д. А.

Двойник господина П. / Д. А. Бойко — «Автор», 2017

Главный герой, майор спецназа ГРУ, становится двойником президента. Память ему постоянно "стирают", но периодически он вспоминает - кто он и зачем живёт на белом свете.

© Бойко Д. А., 2017

© Автор, 2017

Дмитрий Бойко Двойник господина П.

«...Каждый пишет, как он слышит.

Каждый слышит, как он дышит.

Как он дышит, так и пишет,

не стараясь угодить...»

Б. Окуджава

"Двойник господина П."

(фантастическая повесть)

В ноябре 2016 года получил на электронную почту письмо:

"Здравствуйте!

Вы меня не знаете, но много раз видели... Я – двойник. Да, да, двойник Того, которого боготворят и ненавидят миллионы людей. Думаю, догадываетесь о ком я. Извините, что пишу Вам, но больше писать мне некому (или мне так кажется, что некому?). За всю мою жизнь двойника, мне несколько раз "стирали" память. Зачем, почему и кто это делает, я пока Вам сказать не могу. Но память не совсем мне изменила и, иногда, выдаёт куски воспоминаний – обрывки разговоров, событий и мест. Я пытаюсь вспомнить больше, но это не получается. Вернее – не сразу получается. Когда я стал записывать обрывки воспоминаний, потом сопоставлять и складывать, как пазл, то стали получаться картины произошедших событий, в которых мне пришлось участвовать. Об одном таком событии, которое почти целиком восстановилось, я хочу рассказать.

Это было в 2008 году. В августе. Формально, не будучи главой государства, господин П. продолжал руководить всем. Деятельность вокруг него кипела такая же, если не больше. Во всяком случае, мне так казалось. Я бывал в Резиденции на инструктажах у него лично. "Ближний круг" и тот не весь знал о моём существовании. Для общения с "дальним кругом" и всякими непосвящёнными, в его кабинете была установлена видеосвязь. На одной стене кабинета висело множество телевизионных мониторов, работающих в режиме "on – line". В тот раз меня готовили к поездке в Париж. Пока я читал документы, которые необходимо было обсудить с иностранными партнёрами, он стал слушать доклад из Министерства обороны. Речь шла о конфликте на Кавказе. Чиновник МО докладывал о том, что войска стоят в полной боевой готовности и ждут приказа. Бронетанковая техника двигалась к туннелю. А одна из дивизий ВДВ уже была перебросена на аэродром, с которого должна была вылететь на выполнение боевой задачи.

Тогда он сказал:

– Дивизию ВДВ отправляй немедленно. Пусть десантируются и начинают действовать. Двигай их прямо на столицу этих уродов! Замочите их всех! А главного их подвесьте за яйца!

Чиновник попытался возразить:

– Десанту нужна поддержка бронетехникой, иначе их "раскатают".

И господин П. решает:

– Танки через туннель к столице. А дивизию ВДВ высаживай немедленно на головы ублюдков. Пусть начинают "мясорубку" в городе.

– Но техника так быстро не дойдёт. Десантников перебьют!

– Не перебьют. Ты начинаешь утомлять. Я тебе сказал – действуй! Кстати, какая это дивизия?

Чиновник Министерства назвал номер. И тут меня как "перемкнуло". Номер был мне знаком. И не просто знаком, меня с ним связывало что-то. Я судорожно стал вспоминать – что?

Пока до меня не было дела, я сидел и делал вид, что читаю документы. Одновременно, память, точнее – то, что осталось, тяжело ворошась, всё-таки выдала свою тайну. Я, вероятно, служил в этой дивизии. Кем? Вроде как офицером, вроде даже участвовал где-то. Но чётко вспомнил: фото. Я на нём под флагом с эмблемой ВДВ. На флаге надпись: такая-то дивизия. Рядом ещё какие-то ребята в беретах и тельняшках. Я их не помню, возможно, сослуживцы. Неужели, вот этих самых ребят собираются отправить в самое пекло? А ради чего? И пока я не видел смысла во всей этой десантной операции, грозящей гибелью парням, то и посчитал своим долгом остановить её. Мало нам жертв прошлых войн? И вот что бы Вы делали в такой ситуации?

Немного поясню. Всю мою жизнь двойника, меня колют "антидепрессантами", как говорит врач. Ко многому я стал просто безразличен. Живу как растение. Делаю то, что мне говорят. Не задаю вопросов и ничем не интересуюсь, кроме конкретного "мероприятия". Да и интерес заканчивается, как только "мероприятие" проходит. Информации мне дают минимум. Это чтобы не перегружать мозг, потому как бояться, что сойду с ума.

В это время, господин П. беседовал уже с кем-то другим. На одном из мониторов показывали, как стреляют из пушек где-то в горной местности. Подробностей конфликта, я конечно не знал. Кто прав, кто виноват тоже. Но в моих мыслях крутились слова военного: "Десантников перебьют!" Всё нутро как будто бы не принимало такой ход событий. И тогда я решился...

Нет. Я не стал ничего говорить, возмущаться, умолять или убеждать. Я оставался в том же амплуа – равнодушный ко всему происходящему и сосредоточенный на документах. А внутри, в душе – я уже чувствовал, как поступлю. Оставалось только немного подождать...

И вот он сказал мне: "Читай, читай, я скоро вернусь". Вышел. Я быстро подошёл к пульту, нашёл табличку "Министерство Обороны" над кнопкой и нажал. Практически через секунду на одном из мониторов появился военный и сказал: "Слушаю!"

И я ему просто сказал: " Я передумал. Дивизию ВДВ оставьте на аэродроме, пусть ждут дальнейших указаний. Танковую колонну остановить. Далее согласно плану. Выполняйте!"

Я не знаю, существовал ли какой-нибудь план или Министерство потом в спешке его состряпало, а чиновник не стал лишний раз раздражать Самого дополнительными вопросами. Вернувшись на своё место, я сел так же, как и сидел. Взял бумаги. А сам в это время думал – так или не так я поступил? Может, мне надо было наоборот, отправить все дивизии ВДВ на эту столицу? Пусть бы там всё уничтожили. Но память... Она не переставала выдавать куски воспоминаний. Вот показала город. Разрушенный. Все кругом в военной форме, грязной до безобразия, вооружённые, злые. Копаемся зачем-то в БМД. Она подбитая, сгоревшая вдобавок. И мне показалось, что я ощутил запах горелого человеческого мяса. Меня передёрнуло. Хорошо, что никого не было рядом. Это была сцена с войны. Если я это помню, я в ней участвовал. Зачем? Почему? Не могу сейчас сказать...

И знаете, после своего поступка с отменой приказа, я почему-то был уверен, что сделал правильно. Тогда я не думал о последствиях. Не думал, что может всплыть моё вмешательство. Не думал, что приказ всё-таки выполнят в первоначальном его варианте. И тогда... Падающие с неба солдаты, мат, стрельба, взрывы. Люди, живые и мёртвые. Кто-то спустился с небес невредимым. Ему пока повезло. Кто-то попал под пули ещё в воздухе, приземлился трупом и его кишки намотал на гусеницы танк. А тот, кого не срезал пулемётчик или снайпер уже на земле, хватается автомат и начинает крошить всех, кто попадёт под руку – женщин, стариков, детей...

Вы скажете – война... Да. Но десант без поддержки, на город, не готовый к этому – это убийство. Убийство и тех, и других. Каждый житель станет врагом. А десант погибнет. И вместе с собой, на тот свет заберёт тоже немало... Надеюсь, я тогда остановил бойню. К счастью для меня, это прошло не замечено. Видимо, огромное количество событий, встреч и проблем, требующих немедленных решений, отодвинуло навсегда из поля зрения господина П. невыполнение его приказа. А я принял решение – восстанавливать память.

И ещё... Тогда у меня возникло стойкое ощущение того, что "вмешиваюсь" я уже не первый раз. Не утомил Вас? На этом пока прощаюсь. Если вспомню ещё что-нибудь, напишу. Храни Вас Бог!

Двойник господина П.

P. S.

Сразу прошу Вас учесть, что все разговоры и события описываю так, как помню. Поэтому стопроцентную достоверность гарантировать не могу».

Письмо второе.

"Здравствуйтесь!

В своём ответном письме, Вы задали слишком много вопросов, на которые у меня нет ответов. Пока нет. К сожалению, провалы в моей памяти достаточно большие, а воспоминания – сумбурные, отрывистые, нелогичные. Пытаюсь записывать и систематизировать, как и раньше. Но те события, о которых я вспоминаю, иной раз кажутся такими нереальными, фантастичными или, порой даже, абсурдными, что их сложно укладывать в какую-то схему и искать связь между ними. Иногда я думаю: "А мои ли это воспоминания? Не подсовывает ли мне, насмехаясь, память, вместо моих воспоминаний, какую-то кошмарную подделку из того, что я просто где-то видел, о чём, может быть, читал?". Такая неразбериха и в голове, и в моих записях... Но ничего, уверен – я справлюсь (если, конечно, мне не помешают).

Последнее время обо мне как будто забыли. Уже три недели мне не колют никаких лекарств, ко мне не приезжает мой куратор, к "мероприятиям" меня не готовят и, тем более, не привлекают. С чем это связано, я пока не могу понять. Разберусь – напишу.

В этом письме, на этот раз довольно коротком, я хотел рассказать Вам о том, КАК меня сделали похожим на Него. И это не о поведенческой стороне процесса – копировании жестов, походки, мимики, а именно об анатомической схожести с "оригиналом".

Как Вы знаете, господин П. – небольшого роста. А я был гораздо выше «оригинала». Чтобы "выровнять" нас, мне просто отрезали ноги, чуть ниже голени, и надели протезы. Это, наверное, самые лучшие в мире протезы – лёгкие и удобные, изготовленные из самых современных материалов. Вот таким образом, мой рост стал меньше на 10 сантиметров (примерно). Ну а пластической операцией на лице, сегодня уже никого не удивишь...

И вот, после того, как я вспомнил, что мне сделали с ногами и почему я теперь хожу на протезах, у меня возникли вопросы: Что могло подвигнуть меня согласиться на это? Какие такие события произошли в моей жизни, что я – во-первых, стал двойником и, во-вторых, дал отрезать себе ноги? Видимо, довольно серьёзные обстоятельства способствовали моему решению пойти на это "перевоспложение". Или я был подвергнут какой-то чудовищной психологической обработке? Или меня просто усыпили, а профессор со взглядом маньяка, возомнивший себя Творцом, сделал своё жуткое дело? Надо вспоминать, надо...

Да, а вот руки мне оставили прежними. Возможно, их длина устраивала моего «Создателя», а возможно, – просто было невыполнимой задачей (согласитесь – ручные протезы не столь совершенны и всегда на виду). Дополнительно, меня научили держать руки слегка согнутыми. Плюс ко всему – работа талантливых портных, помогающая "подкорректировать" фигуру и скрыть непропорциональность. Так я стал практически идентичным "оригиналу".

Вот, в принципе, и всё моё сегодняшнее письмо. (Интересно, долго ли ещё я смогу писать Вам?)

Кстати, мои письма Вам, тоже своего рода стимулирование памяти – описывая событие, как бы переживаешь его заново, и тут, внезапно, появляются какие-то новые детали, обрывки фраз, новые лица. Может это и незначительное дополнение к произошедшему, на которое не стоит отвлекаться. А может, сыграют определённую роль в дальнейшем... Как бы то ни было, нельзя упускать ничего.

Прощаюсь. Желаю Вам здоровья и успехов. Храни Вас Бог!

Двойник Того Самого».

Письмо третье.

«Здравствуйте!

За время, прошедшее после последнего моего письма, произошло несколько важных событий. Хочу о них Вам немного поведать.

Как я уже сообщал Вам, меня перестали пичкать "антидепрессантами". С чем это связано я не знаю, могу только догадываться. Вообще, в том месте и в том положении, в котором я нахожусь, никто мне сам ничего не скажет, не объяснит. Та самая "золотая клетка" – практически все блага цивилизации и никакой самостоятельности. То, что круг общения очень узок, это Вы и сами понимаете. Но ещё и от тех немногих людей, с которыми я контактирую, невозможно получить ответы на мои вопросы. Приходится искать ответы самому. А в отсутствии доступа к источникам информации, это затруднительно. Кое-что приходится додумывать. Кстати, заодно отвечая на Ваш вопрос, могу рассказать, что возможности моих действий в Интернете ограничены. Видимо, стоят какие-то специальные фильтры. Либо кто-то регулирует мои похождения в Сети. Так вот, я могу просматривать новости с официальных каналов, читать статьи с сайтов некоторых газет и журналов. Ещё есть доступ к библиотеке и онлайн-кинотеатру. Но в них, я подозреваю, тоже специально отобранные материалы.

Теперь непосредственно о событиях и выводах, которые я попытался сделать. Недавно в СМИ прошла информация о задержании одного генерала Службы охраны. Вы легко найдёте эти сообщения, так как об этом писали даже официальные источники. Генерала подозревают в получении взятки, что вроде как в свете последних разоблачений губернаторов и министра, не является сверх событием. Но самое неожиданное и, в тоже время пугающее, для меня было то, что этот генерал и есть мой "куратор". Что с генералом произошло на самом деле, мне конечно не ведомо. Не был с ним никогда слишком близок, чисто служебные отношения. Как я понял, и моё невольное окружение не в курсе истинных причин ареста. Но внутреннее напряжение присутствует во всех и во всем. Никогда б не поверил, но это действительно физически ощущается, как в избитой фразе – "атмосфера накалена". Чувствуется и общая растерянность, и страх перед неизвестностью дальнейшего развития событий. Как Вы догадываетесь, не самые радужные мысли посещают людей, знающих то, о чём многие даже не догадываются. Спецслужбы умеют хранить секреты, даже ценой жизни какого-то десятка человек... Кстати, я и себя не исключаю из этого списка.

Генерала задержали пару месяцев назад, и я подумал, что может быть, как раз с этим и было связано ослабления контроля надо мной – все озадачены своим будущим. В итоге, я получил возможность написать Вам.

Дальше. В другом источнике я случайно наткнулся на небольшую заметку о Полковнике. Фамилию вы тоже сможете легко установить, когда поймёте о ком я. Его сейчас судят в одном областном центре на Волге. Причём на суд его доставили из колонии, в которой он уже отбывает наказание. Пока я читал о процессе, фамилия Полковника крутилась в голове. Крутилась, крутилась, ушла в глубины памяти и вынырнула с неожиданной ассоциацией – "Батя". Да, да!

Полковник – «Батя»! Конечно, не в смысле, что родной отец. А, в смысле, как у Лермонтова – "...Полковник наш рождён был хватом – слуга царю, отец солдатам..." И вот с таким «Батей» и ассоциировался у меня этот Полковник из военной разведки.

Изучив архивы газет, я вычитал о том когда, как и за что был осужден Полковник. А дальше и про дела, в которых Полковника обвиняли ранее. Читая статьи о нём, потом интервью с ним самим и смотря на фотографии, я всё больше и больше убеждался в том, что Полковника знаю лично и встречался с ним. Только когда это было?? Проклятая память...

Ну, вот и всё на сегодня, не обессудьте. А да, ещё я могу ответить на Ваш вопрос: "Помню ли я себя прежним, до того как стал двойником?" Так вот, у меня сохранилась газета с моим "некрологом". Это как ниточка с прошлой жизнью. Газету, возможно, я прихватил на каком-нибудь "мероприятии", лет как уже кажется, сто назад. Скорее всего, тогда с моей памятью ещё не успели серьёзно "поработать", и газета попала на глаза, когда я был ещё прежним. "Провалы памяти" мне организовали уже позже. А газетка сохранилась. От чужих глаз я её оберегаю. А сам периодически достаю, смотрю на своё фото, читаю текст, пытаюсь что-то вспомнить... Кстати, в некрологе не указано о том, была у меня семья или нет... Придётся опять вспоминать самому.

До свидания и всего Вам хорошего!

Двойник господина П.

P.S.

Когда заканчивал письмо, вдруг подумал: вот вроде два разных человека – генерал охраны и Полковник разведки. Оба для меня почти что отцы. Один, ну пусть, как отчим – куратор, уже в новой жизни. Другой – армейский "Батя" (по чувствам гораздо роднее) из прошлого. И оба почему-то в тюрьме. Как так? Даже если Полковник пошёл против, образно говоря, Системы, то генерал – часть этого самой Системы, один из её «цепных псов», причём довольно крупный. Что же это, сука, за Система такая, которая карает и своих, и чужих??? (Извините за «суку», вырвалось).

Удачи Вам!»

Письмо четвёртое.

« – Смутные времена наступают в стране, лейтенант. Очень смутные. Знаю, что говорю. Если такая «серая пена» к власти начинает подбираться – жди беды. Помнишь, того рыжего верзилу в штабе и на аэродроме перед отправкой твоей группы? Так вот, я этого прохиндея ещё по Ленинграду помню. Служил я тогда в разведывательном управлении округа. Молодой был да дотошный, старался во всём разобраться, каждой мелочи внимание уделить и довести все дела до конца. Так вот, попал в наше поле зрения этот рыжий случайно. Скорее всего, какой-нибудь агент – «энтузиаст» на него навёл. Когда присмотрелись к рыжему, интересный круг знакомств стал вырисовываться. Там и студенты, и аспиранты с преподавателями, и партийные работники, и иностранцы. Сперва-то думали, что этот рыжий, «фарцовщик» – спекулянт обычный, пока среди иностранных знакомых этого типа не выявили действующих сотрудников ЦРУ. Когда стали его дальше разрабатывать, там и военные уже появились из штаба округа и политотдела. Потом смотрим, он уже и на аэродромах секретных бывает, и за границу шастает без проблем. В общем, папочка на него пополнялась, а ниточки потянулись выше – в Горсовет и Горком КПСС. Но так, как он человек сугубо гражданский, нам эту папочку приказали передать в КГБ. Не успели мы это дело довести до конца. Хотя мы и разведка, но когда в тылу, вероятные пособники врага шурудят, бездействовать тоже не имели права. А нам по носу щёлкнули – мол, не ваше дело. Пытались потом со следователем КГБ взаимосвязь наладить, ему информацию предлагали да просили его поделиться. Но там такой скользкий «товарищ»

оказался, что плюнули мы на него и попытки добиться правды прекратили. А сами издали наблюдали – ждали, чем закончится.

И вот что странное, лейтенант, – когда папочку ту КГБ получило, то и группу нашу подозрительно быстро, буквально в течение полугода, развели по разным местам службы. Кого на Дальний Восток, кого на Украину. Меня в Афганистан, тогда ещё война шла. А представь, моё удивление, когда этот хмырь рыжеволосый появляется здесь, в штабе армии, и начинает руководить операцией. Как он наверх выбрался то, с таким «багажом»? Купили их там всех, что ли, в Ленинграде этом? Не удивлюсь, если и следователь тот, из КГБ, Калугин кажется, потом где-нибудь в Америке всплывёт с мемуарами.

Беспокоит меня это всё, потому что знаю, как проводят различные перевороты и революции. Когда у государства все финансовые потоки под контролем, то мятежники используют различные методы получения денег. Или банки грабят, или наркотиками торгуют, или же получают средства от «спонсоров». А чаще – всё сразу. Как нога, лейтенант?»

Извиняюсь, здравствуйте!

Всё вышенаписанное говорил мне Полковник. Мы тогда возвращались со спецоперации. Разговор наш происходил в вертолёт, который вывозил меня с группой и захваченным нами героинем с территории Афганистана. В то время, советские войска уже были выведены, но агентурная сеть продолжала работать, давала информацию и кое-какие операции там ещё проводились. Естественно, под грифом «Совершенно секретно».

Это было лето 1991 года. За год до этого, меня, выпускника Рязанского училища ВДВ, распределили в «пятнашку» (15-ю бригаду спецназа ГРУ), которой командовал Полковник. Сама бригада дислоцировалась в Узбекистане, но как видите, использовалась и для выполнения, так сказать, «деликатных» операций на чужой территории. Впрочем, деликатность эта не избавляла от риска боевых столкновений и возможных потерь.

Расскажу Вам теперь по порядку о той операции всё, что помню.

В Москву поступила информация о том, что с одного подпольного завода по производству наркотиков в ближайшее время будет отправляться крупная партия героина. Слышали, наверное, что Афганистан ещё называют «фабрикой наркоты»? Когда там были советские войска, правительство страны пыталось уничтожить и плантации, и незаконное производство. Но после вывода войск, наркодельцы стали опять поднимать голову. Власть постепенно уступала перед моджахедами. Банды становились всё многочисленней и наглей. Казалось бы странным, почему поступала информация о подпольных заводах, но оказалось, что это была обычная борьба за сферы влияния и увеличение наркоторговли. Так как подпольными заводами владели, в основном, банды душманов, то главари этих банд «сливали» своих конкурентов. А информация уходила и в Кабул, и в Москву, и в Вашингтон.

Видимо, та партия героина была очень необходима Москве, потому что руководить операцией прислали генерала из Генштаба и с ним одного гражданского чиновника. Кто он по должности был я так и не понял, но судя по тому, что с ним постоянно находился сотрудник КГБ, видимо важная птица. Сравнительно молодой, в районе 35 лет, высокий и рыжеволосый, этот чиновник вёл себя по-хозяйски, чувствуя своё превосходство даже над генералом. Позже, после разговора с Полковником в вертолёт, мне стала понятна его неприязнь к московскому чину, которая меня сперва удивила.

Завод располагался в горах, подбирались мы к нему двое суток. Переодетых в моджахедов, ведущих с собой трёх ослов, нас можно было принять хоть за крестьян, хоть за «духов». Однако контактов с местным населением избегали. Территория, которая находилась под контролем «местного Махно», была довольно обширная. Завод находился вдалеке от мест стычек банды с соседями, поэтому крупных отрядов в округе находиться не должно было.

Захват произвели быстро. На рассвете, используя ВСС, уничтожили охрану и приблизились к заводу. Конечно, то что представляло из себя данное «предприятие», сложно назвать заводом в нашем привычном понимании этого слова. Обычная пещера и в ней оборудование по переработке наркотика. Внутри пещеры «духов» не было, так как долго находится в облаках наркотической пыли просто невозможно. А вот рабы, скорее всего пленные боевики из вражеских банд, работали. Сержант Паршин хотел и их ликвидировать, но я, тогда ещё не ожесточённый войной, не дал ему это сделать. Этим одурманенных наркотиками безумцев с пустыми, невидящими глазами, отвели в каморку, которая до этого выполняла функцию склада, и пинками усадили в угол. Рабов было четверо. Пока вытаскивали готовые тюки с героином, грузили на ослов и собирались в обратный путь, эти четыре человеческие тени, иссохшие от полуголодного существования в героиновом угаре, сидели в углу, ничем не проявляя интереса к происходящему. Поэтому, занимаясь постановкой задач и проверяя готовность группы к выдвижению, я перестал о них думать. Как оказалось напрасно...

Уходя от завода, группа начала подниматься на ближайший холм. Я, радуясь тому, что вся операция прошла бесшумно, быстро и без потерь, двигался рядом с грузом, не оглядываясь. В это время, один из рабов, возможно в припадке наркотических видений, выскочил из каморки, схватил автомат убитого охранника и с криком: «Аллах акбар!» пустил очередь нам вслед. И хотя, уже через пару секунд он валялся, с разбитым от выстрела Паршина черепом, но успел серьёзно нам навредить. Во-первых, одна из пуль попала мне в бедро. А во-вторых, его крики и автоматная очередь, как оказалось позже, наделали столько шума, что их услышали в ближайшем кишлаке. Хорошо, что кроме меня в группе никто не пострадал и нам, довольно быстро, удалось преодолеть вершину холма. Сделали короткую остановку. Меня перевязывал сам сержант, и пока он накладывал повязку, наши взгляды пересекались. Я догадывался, о чём думает в тот момент Паршин, но мы ни слова не сказали друг другу. Конечно, если б не оставили тех рабов в живых, то ранения не было. Но... Я тогда ещё не понимал (впрочем, как и сейчас не понимаю), как можно стрелять в безоружных, не представляющих угрозы, людей.

Нужно было спешить. Разведчики, оставленные мной на вершине холма, доложили о группе «духов», выдвинувшихся из кишлака к заводу. Мы уходили тропами в горы почти бегом, подталкивая ослов на крутых участках. «Духи», увидев разгромленный завод, организовывали погоню. Повезло, что изначально моджахедов было мало, они стали ждать подкрепление, а в это время нам удалось уйти достаточно далеко. Но потом банда, разделившись на две группы, стала преследовать нас уже по двум направлениям, с целью зажать с двух сторон. У них было преимущество в том, что они лучше знали местность. Наверное, через час-полтора им удалось бы окружить нас.

Нога начинала отниматься. Бойцы по очереди помогали мне идти, иногда вдвоём подхватывая и помогая преодолевать очередную кручу. На ходу, связавшись со штабом, я доложил обстановку. Нам сообщили координаты точки, откуда нас планировали забрать. Полковник лично отдал приказ: «Прибудешь на место, никуда не двигайся. Вступайте в бой, но с места ни шагу! Всё будет хорошо».

Добравшись до плато, с которого нас должны были эвакуировать, я отправил дозорных на ближайшую вершину. Они видели, как духи вышли к подножию горы, на которой мы находились. Другая их группа шла где-то правее. «Вертушек» наших что-то не было не видно и не слышно. Вдруг дозорные сообщили, что видят вертолёты. Только они кружили почему-то далеко в стороне. Потом начали снижение и исчезли за горами. Я уже начал подумывать, что либо мы, либо вертолётчики напутали координаты места встречи, но выполняя приказ Полковника, оставалось только ждать дальнейшего развития событий.

Толпа «духов», которая преследовала нас, в гору не полезла. Душманы двинулись вдоль подножия в ту сторону, где исчезли вертолёты. Замысел Полковника стал понятен – вертолёты изобразили снижение, чтобы «духи» подумали: «неверные» где-то там, и ринулись туда. Вер-

толёты долго не поднимались, давая возможность моджахедам подойти поближе. И когда те бандиты, которые были рядом, отошли уже далеко, так и не заметив нас, ещё одна «вертушка» появилась на горизонте и стремительно приблизилась к «точке». Из вертолётки выпрыгнул Полковник, ребята быстро погрузили груз, меня практически занесли на руках. Ослов пришлось бросить, места для них в Ми-8, из-за груза, уже не нашлось. Вся эвакуация заняла минуты. Последовал приказ на взлёт и, синхронно с нами, из-за гор, показались те два вертолётки, которые выполняли отвлекающий манёвр. Набрал безопасную высоту и сделав круг, мы видели, как внизу суетились моджахеды – что-то кричали, махали руками и бесполезно палили в воздух из автоматов. Напряжение, в котором мы находились последние несколько часов, спало. Послышался смех, шутки. Полковник заставил меня прилечь на скамью, а сам расположился рядом на тюке с героином. После уже и начался тот разговор, который я Вам пересказал в начале письма.

Возможно, Вы скептически скажете: «Мол, операция не ахти, какая сложная, бывают и опасней, и глобальней». В принципе, да. Но в тех операциях и цели, и задачи совершенно другие, да и командуют там группами не лейтенанты, а героические капитаны и майоры. У каждой спецопераций – свой уровень. Наша группа выполнила задачу, и это – главное. А то, что вывозить нас прилетел лично Полковник, показало, что для этого человека важны люди, а не масштабы операций. Мог ведь спокойно отсидеться в штабе, а нет – полетел вытаскивать нас. Ведь кто мы тогда были – простые солдаты и лейтенант, обычные труженики тайной войны, которых и родное правительство-то могло не признать в случае провала.

Потом был военный аэродром, на котором меня ждали медики, а Полковника с грузом – «шишки» из Москвы. Героин перегрузили в самолёт ВТА. Всё делалось быстро. Ощущение было такое, что не только люди торопятся, но и сама бездушная громадина военного аэродрома спешит поскорее выплюнуть в небо этот борт «со смертью» в брюхе.

Я уже лежал на каталке, когда московский генерал всё-таки решил для приличия и мне пожать руку. Рыжий чиновник торопил его, но генерал настоял и они подошли. Пока генерал давал указание Полковнику о том, как поощрить нас, я разглядывал «прохиндея», как охарактеризовал его комбриг. Кто бы тогда знал, что та встреча не последняя. И спустя много лет, мы с ним встретимся при других обстоятельствах, в другой обстановке и я буду уже в другом облики...

А когда генерал и чиновник уже уходили, Полковник остановил чинушу вопросом:

– Толик, а героин точно на государственные нужды пойдёт? Или ты его с друзьями своими для других целей взял?

Чиновник, покраснев от такого панибратства, хотел ответить резко, но видимо опасаясь, что его слова услышат и генерал, и сотрудник КГБ, выдал:

– Конечно, мы же выполняем задачи партии и Правительства.

– Ага. Только судя по тому, что я в Ленинграде узнал, у нас с тобой разные Правительства. Вот доберусь до Москвы, я вас всех на чистую воду выведу.

– Ты доберись сперва! – прошипел рыжий, и почти бегом отправился к самолёту.

Полковник усмехнулся и подмигнул мне. Мы проводили взглядами самолёт, попрощались друг с другом. Воспользовавшись своими связями, Полковник отправил меня на лечение не в Ташкентский госпиталь, а в Новосибирск. Пока я лечился, произошло глобальное событие – распался СССР. 15ю бригаду оставили в Узбекистане, и я туда уже не вернулся. Меня перевели служить в 67-ю, которая дислоцировалась на территории России.

Кстати, как и с тем чинушей, с Полковником мне довелось встретиться много позже. И о той встрече я тоже обязательно расскажу Вам.

До свидания! Здоровья и успехов Вам.

Двойник господина П.

P. S.

В следующем письме постараюсь ответить на некоторые Ваши вопросы. На те, что смогу. Ведь многое для меня, так же как и для Вас, непонятно, скрыто и закамуфлировано».

Письмо пятое.

«Здравствуйте!

Вот Вы спрашивали меня, как я живу, как попадаю к господину П. на инструктажи, как меня используют, как проходят встречи с иностранными лидерами или нашими чиновниками?

Попробую для начала описать свою жизнь.

Закрытая резиденция с довольно обширной территорией, огороженная и хорошо охраняемая. Охрану внешнего периметра, кстати, не видно и не слышно. Сталкиваюсь только с охранниками в доме, но их немного – шесть человек, дежурят посменно. Есть горничная, кухарка и тренер по верховой езде. Вот и весь персонал, который видит меня. Есть, конечно, и сантехник, и садовник, и электрик, только я с ними не встречался ни разу. В доме имеются библиотека, тренажёрный зал, бассейн, сауна, кинотеатр, бильярдная. У дома – тир, пруд для рыбалки, конюшня. Есть ещё велодорожка и трасса для квадроциклов. Всё оборудование и снаряжение новое, качественное. Партнёрами в шахматах или на бильярде выступают охранники. Есть ещё теннисный корт, но на протезах особо не набегаешься. На велосипеде, например, ещё получается, а вот бегать уже тяжело, несмотря на то, что изготовлены протезы по высшему классу. Также охранники являются и инструкторами: по стрельбе и по вождению. Конечно, мне – боевому офицеру, не нужны никакие инструкторы, сам любого научу. Но изображать дилетанта мне нравится – не хватает общения с живыми людьми. Прожив долгую жизнь в коллективах, сперва в школе, а потом в двух училищах и армии, для меня тяжело было оказаться в уединении. Любое лишнее общение, как глоток воздуха. В целом, коллектив, который меня окружает, не слишком-то разговорчив. Но вот когда они начинают заниматься моим тренажем, просыпаются в них человеки. И тогда можно просто поболтать.

Перед очередным «мероприятием» приезжает куратор, а потом за нами прилетает вертолёт. Пилоты меня не видят, так как покидают машину, а в это время мы садимся в закрытый салон. Летим часа два. Лётчики знают маршрут, поэтому с ними даже куратор не разговаривает. В полёте, как правило, мы ничего не обсуждаем, только общие вопросы – самочувствие, настроение. Прибыв в Главную резиденцию, покидаем транспорт и тайными коридорами проходим в «мои» апартаменты. В них я могу находиться и сутки, и трое, и неделю. Длительность пребывания зависит от сложности «мероприятия» или занятости господина П. Готовят меня или он сам лично, или куратор. В основном, я просто учу тексты речей, которые должен произнести. Куратор задает вопросы, которые могут возникнуть. Скорее всего, вопросы тоже кто-то учит, так как такие мероприятия проходят по сценарию. Любое отступление, это как катастрофа, – вдруг, что не так пойдёт или не то спросят. Поэтому с организаторов требуют «по полной». Меня чаще всего используют для поездок по просторам России, с выступлениями в небольших аудиториях или для присутствия на публичных мероприятиях, на которых выступлений не требуется. Бывал несколько раз за рубежом – разнообразные встречи с пророссийскими лидерами, открытие каких-нибудь культурных объектов да небольшие форумы. Важные встречи Он проводит сам лично. Участвовал я и в «подписании договоров» с главами других стран, которые так любит демонстрировать телевидение. На самом же деле, те бумажки в красивых папочках, которые подписывают лидеры под вспышки фотоаппаратов, а потом торжественно вручают друг другу, никакой юридической силы не имеют. Их подписывают, так сказать, «для картинки». Настоящие договора – более объёмные, проверенные юристами и переводчиками, скрепленные печатями и настоящими подписями, передаются позже.

Поэтому, кто там ставит свою закорючку на «официальном документе» – я или Сам лично, никакого значения не имеет.

Вот в целом, и вся моя нынешняя жизнь. Понимаю, Вам бы хотелось узнать какие-нибудь «дворцовые тайны», скандалы или интриги. Но, по сути, я знаю не больше Вашего о настоящей жизни господина П.. Публичную жизнь демонстрирует телевидение и пресса, а «за кулисы» меня не пускают. Поэтому удивить Вас ничем не смогу, уж извините.

Вообще, та информация, которой я обладаю и которую постоянно пытаюсь вытягивать из памяти, может помочь только в оценке прошедших событий. Дать более полную картину. Или наоборот, запутать всё. Как в каком-то юмористическом номере было: разобрал, собрал – лишняя деталь осталась. Так и тут, та «лишняя деталь», которую я покажу, может не вписываться в конструкцию, но она всё-таки оттуда.

Да, спасибо конечно, что Вы научили меня, как обходить блокировку сайтов. Только в моём компьютере, оказывается, Интернет полностью контролируемый. Есть список сайтов, на которые я могу заходить и всё. Вот по ним я и «гуляю». Никаких социальных сетей или видеохостингов. К электронной почте доступ получил случайно. Вбил Ваш адрес (это мой армейский позывной) и отправил письмо. Так и познакомились.

Раньше, до «перевоплощения», я был Александр Александрович, поэтому меня тут называют Сан Саныч. К куратору обращался по званию, но чаще по имени Гена или Геннадий. Всё-таки я старше по возрасту, имею право.

Спрашивайте, буду уточнять для Вас непонятные моменты. А пока прощаюсь, писать сегодня больше не о чём.

До свидания. Двойник господина П.

P. S.

Кстати, как-то раз, после ареста куратора, я спросил у его помощника и старшего охранника Михаила:

– Миша, а что генерал брал взятки? Почему его арестовали?

И он ответил:

– Сан Саныч, Вы смотрели фильм «Место встречи изменить нельзя»? Помните, как Шарапов от банды в кладовке спрятался, и пока их вязали, там отсиделся? Так вот наша тюрьма, для некоторых, это как та кладовка. Вроде и вот он, почти под носом человек, и выхода у него нет, а дотянуться – нельзя. И объявили об этом в СМИ специально, чтоб сомнений ни у кого не возникло.

«Ай да Миша! Ай да сукин сын!» - подумал я, переиначив знаменитое выражение о поэте. Оказывается, старший охранник умеет не только видеть и слышать, но и пытается делать какие-то выводы. А его витиеватое высказывание, которое не вяжется с образом обычного служаки, так вообще вызвало у меня восхищение. Ну что ж, возьмём на заметку...»

Письмо шестое.

«Здравствуйте, дорогой друг!

Представляете, а мы уже полгода переписываемся с Вами. Не буду повторять банальности о быстротечности времени, но ведь на самом деле это так. Вроде совсем недавно бегал в коротких штанишках и дёргал девчонок за косички, а вот раз – и ты уже с сединой... И все твои детские трагедии и радости блекнут перед трагедиями и радостями зрелой жизни.

Так же вот, сейчас уже незаметно, пролетели годы моего детства. Родители мои рано погибли в аварии, и я воспитывался у тёти в Рязани. Своих детей у тёти Тани не было и она,

добрая сердечная женщина, взяла меня к себе. Рос я таким же, как и большинство моих сверстников – местами прилежный, местами хулиганистый. За что-то – ругали, а бывало и хвалили. С одинаковым интересом бегал и в авиамодельный кружок, и на рыбалку, и в музей народного зодчества.

Единственное в стране десантное училище, которое находилось в городе, притягивало нас как магнит. Естественно, что все мальчишки мечтали попасть туда и стать обладателем заветного голубого берета. Потом, уже взрослея, романтики превращались в прагматиков, сознавая, что это не только красивая форма и жизнь полная приключений, но и тяжёлый повседневный труд, возможно даже участие в войне, а как следствие – ранения или гибель. Ведь это были времена выполнения интернационального долга. И как бы ни оборачивали это в мишуру оправданного героизма, солдаты и офицеры гибли реально. На школьном стенде «Они выполняли интернациональный долг» регулярно появлялись новые фотографии, на многих из них вчерашние мальчишки были в беретах. Может быть, кого-то это отпугнуло... Я тоже задумывался об этом, но прагматик во мне как-то нашёл общий язык с романтиком. О смерти не думал, кто в юношеском возрасте думает о смерти? И поэтому, до последнего класса школы, я не просто не расстался с мечтой, но и сделал всё возможное для её осуществления. Чтобы увеличить шансы на поступление, на своеобразном семейном совете (я, тётя и сосед дядя Лёша) было принято решение после 8-го класса идти в суворовское училище. Меня как сироту, приняли в Свердловское (ныне Екатеринбургское) СВУ, в котором я проучился два года. И уже потом подал документы в Рязанское ВВДКУ. Кстати, о своем выборе я никогда не пожалел. Может быть, повезло с людьми, с которыми довелось служить. А может, просто не было другой жизни – не с чем было сравнивать, и я был счастлив там, где был.

Поступив в десантное училище, набирался знаний, взрослел, мечтал о подвигах и приключениях. Когда учишься, дни тянутся медленно. Думаешь, скорей бы уже выпуск и вперёд – в самостоятельное плавание, лишь бы автомат в руки, а куда – неважно. Хотя какое в войсках может быть самостоятельное плавание? Приходишь в часть и опять начинаешь жить по распорядку да по приказам начальства. Плюс ещё и ответственность за бойцов, за технику и вооружение.

После того, как Советский Союз прекратил своё существование, я оказался в 67й бригаде спецназа, под Новосибирском (писал Вам об этом). Времена те были нелёгкие для Вооружённых Сил, впрочем, как и для всей страны. Помню безденежье, нехватку бензина, продуктов, обмундирования. Как-то выживали – и на подработки ходили охранниками, и огород распахали за территорией части, чтобы картошку выращивать. Свиноферма была своя. Не все выдерживали... Кто-то уволился и ушёл в бизнес, кто-то в бандиты, кто-то в милицию. Ну а те, кто оставался служить, терпели и верили в будущее.

А потом пришёл 94й, и в самом его конце вспыхнула война. Бригаду нашу бросили в Грозный одной из первых. Военные действия «федералов» начинались тяжело. Ничем неоправданная поспешность командования Объединённой группы войск привела к большим потерям. Неразбериха, несогласованность, откровенная трусость одних командиров, так же как и чрезмерная ретивость других – всё это было причинами возникшей кровавой мясорубки. Да и правительство страны вело себя тогда непонятно как: невнятно, судорожно и порой противоречиво. Изречение о том, что ошибки политиков приходится исправлять военным, как никогда, подходит к тем событиям.

Несмотря ни на что, 67я воевала достойно. Были и свои герои. Приходилось, правда, переучиваться на ходу. Здесь не Афган, тут даже горы другие. И не таежные леса, как в Бердске, где стояла часть. Появились в нашем лексиконе новые слова: «чехи», «зелёнка»; и вернулись уже забытые – «двухсотый», «трёхсотый». Знакомились с новыми видами растяжек и фугасов. Учились быстро и на совесть – экзамены принимала сама война...

Страшные кадры той бойни, как оказалось, врезались в память навсегда. И разрушенный город, и трупы, и даже запах сгоревшего мяса – остаются со мной и ныне...

После двухлетней войны, перемирие. И снова, уже в августе 1999-го, отряды боевиков попытались войти в Дагестан, но их остановили. Начался новый виток противостояния. Нашу бригаду отправили в Ботлих. Снова бои, потери. И опять неразбериха, суета, трусость, предательство. То свои же обстреляют, то на помощь не дозовёшься. Очень часто мешала вечная армейская «перестраховка» – когда вместо решительных действий начинали уточнять, перепроверять, да ждать разрешений сверху. Хорошо, что не все «болели» этим. Причём на низших уровнях командования, напрямую с командирами артиллеристов или вертолётчиков договориться всегда было проще и быстрее, чем это решалось на более высоком уровне.

Вот в тот самый 99й год, я и «выпал» из своей жизни и попал в другую. О том, как это произошло, сейчас Вам расскажу.

К тому моменту, я уже был майором и командовал ротой спецназа. Вообще, ротных стараются реже привлекать к выполнению боевых задач, вся нагрузка ложится на командиров групп. Но когда не хватает офицеров, ротные тоже участвуют и в засадах, и в поиске. Ну и на особо сложные задания ротный уходил сам, собрав группу из лучших бойцов.

В конце августа я попал в плен... Нет, не в горах на выходе, и не на местном рынке. По дороге в штаб одного артдивизиона из 8го армейского корпуса.

В тот день меня вызвал командир отряда подполковник Иванов и говорит:

– Слушай, Александр Саныч! Надо бы в Чанко съездить, забрать от артиллеристов пакет для нас. Войска к наступлению готовятся, надо наши действия заранее согласовать, чтоб по нам потом не долбанули. Вертолёты пока летать не могут, погода видишь, какая попа. Кого отправишь?

Я сказал, что поеду сам, так как мои командиры групп были кто на выходе, кто на дежурстве. Около Чанко были позиции артиллеристов из корпуса, которым раньше командовал генерал Рохлин. К сожалению, сам легендарный генерал тогда уже был убит, но его подразделения продолжали называть «рохлинскими», как бы отдавая этим дань памяти настоящему офицеру и патриоту.

Командир продолжил инструктаж:

– Дорога, в принципе, безопасная. Там около Тасута две наши группы, Бабюкова и Косолапа. Они если что, тебя подстрахуют. Я им передам, чтоб они дорогу контролировали. Ну, а после Тасута, можешь уже не переживать, там у «рохлинцев» всё контролируется. Давай сокол, лети!

Выехали на УАЗике, я и водитель Селедков. В хорошие времена обернулись бы часа за два. А в то время, убитая войной дорога, смачно сдобренная грязью, которая образовалась после дождя, в любой момент могла затянуть нашу поездку на неопределённое время.

Неожиданно раздался взрыв под колёсами машины. УАЗ перевернуло набок, я завалился на водителя. Пока сообразили что к чему, и очумелые, начали выбираться, снаружи нам «помогли». Распоров ножами тент, несколько вооружённых людей вытащили нас из машины. Как боевики оказались у дороги, мне было непонятно. Зная, что дорогу должны были контролировать наши, мы и не ожидали засады. Да и Бабюков с Косолапом не могли прозевать и пропустить банду, всё-таки опытные боевые офицеры. Но где ж они? Слишком много неясного... Главарь боевиков, невысокий молодой чеченец, внимательно посмотрел на меня, что-то про бурчал в свою рацию и повёл банду в «зелёнку». Связанных и с мешками на головах, нас стали толкать в спину автоматами, заставляя идти. Боевики уводили нас через горы на территорию Чечни.

Далеко-далеко оттуда, в небольшом сибирском городе Бердске меня ждали жена и сын... До свидания! Храни Вас Бог!

Двойник Того Самого.»

Письмо седьмое.

«Здравствуйте!

На днях, совершенно неожиданно, меня опять привлекли к «мероприятиям». Надо было отсидеть за господина П. на концерте, а потом должен был состояться небольшой банкет. Банкет проводила одна из министров. В подмосковном отеле «Империал» собирались представители «либерального блока» Правительства. Не знаю, с чьей подачи наши СМИ окрестили этих людей «либеральным блоком», но я в их словах и тем более делах, как-то не замечал ничего похожего на либерализм, даже отдалённо. У меня сержант был большим «либералом», когда на марш-броске каждый час объявлял перекур. А может, я не так понимаю этот термин?

На «мероприятия» полетели с Мишей, он пока оставался старшим в нашем мирке. Отсидели с ним концерт под бдительным присмотром службы охраны, а на банкет отправились только вдвоём. Во-первых, там и так охраны достаточно. А во-вторых, кого там боятся? Министры да помощники (скажу помягче) не совсем смелые люди. Скорее даже, совсем не смелые. Только лебезят, да стараются угодить наперегонки друг с другом. Но и угождая, не теряются, и как бы, между прочим, пытаются решить какую-нибудь свою проблему. Они же не знают, что я не настоящий, вот и суются с бесконечными жалобами или просьбами.

Устав от подобострастных речей, каких-то несуразных «победоносных» тостов и восхвалений, я вышел в парк. Телохранителя моего не было видно, но он находился где-то рядом. Слава Богу, никто из этих лизоблюдствующих людишек, за мной не попёрся. Честно Вам скажу, к этим людям я отношусь презрительно. В их глазах пустота и страх. Страх потерять то, что имеют – своё положение, деньги, особняки. А вся их видимая порядочность исчезает под воздействием спиртного, и тогда наружу вырываются какие-то немислимые формы подхалимажа, подобострастия и стремления как-то выделиться, чтобы стать «ближе к телу».

Я сидел на скамейке и наслаждался тишиной подмосковного вечера. Вдруг рядом зашуршали кусты. К моей скамейке вывалился тот самый чиновник, которого я видел ещё в Узбекистане, на военном аэродроме. Сейчас он занимается какими-то проектами, что-то там связанное с нано-технологиями. То, что он будет на банкете, мне стало известно ещё в вертолёте. В полёте, перед некоторыми «мероприятиями», я рассматриваю фотографии возможных присутствующих, освежая в памяти их имена, фамилии и должности. (Это чтобы не оконфузиться при общении.) И вот старый знакомый вживую появился передо мной.

Он бросился ко мне:

– Я так больше не могу! Отпустите меня, пожалуйста! Я устал, мне хочется спокойной жизни! Я же делал всё, что мне говорили. И деньги переводил куда надо. А теперь я хочу просто пожить, в спокойствии... Отпустите, умоляю!

Присев рядом, и дыша на меня перегаром, он пытался заглянуть в мои глаза. Я поймал его мутноватый взгляд. И подумал, что вот сейчас, пока он пьяный, можно вытянуть из него кое-какую информацию.

– Что случилось? – спросил я.

– Ну это уже бандитизм какой-то! Мало того, что за мной следят постоянно, не пойми кто, так уже и наезжать пытаются.

– И покушения были?

– Да нет, пока, – ответил он.

– А Полковник тот? Помните? – задал я вопрос, решив прояснить для себя историю с покушением.

– Гм.. Конечно помню. Бунтарь – правдоруб. Только он тоже не покушался, я думал Вы знаете... Точнее покушался, но не лично на меня. На всю Систему, которую мы строили. Вернее, мечтали построить...

И тут он разразился целым монологом:

– Я сразу говорил, ещё тогда, в начале реформ: «Давайте будем жёсткими, не до сантиментов сейчас. Всю госсобственность приватизируем, пусть появятся частники. Пусть будет рынок – он сам всё отрегулирует. Да, не все впишутся в новую реальность, вымрут 30 миллионов не конкурентно-способных, зато остальное общество очистится от балласта, от алкоголиков и тунеядцев». Но, проклятые «гуманисты» возмутились и тормозили реформы как могли. И чего добились? Вы же знаете, что с тех пор вымерло даже больше. Почему? Потому что ждали помощи от государства. А государство их обманывало. Обещаниями кормило только. А если б сразу их «послало», то так, на мой взгляд, было бы честнее. Они б уже не ждали никаких подачек, а сами решали свои проблемы. Стали бы крутиться, зарабатывать. Не можешь один – организуй кооператив. Не хочешь сам вести бизнес – иди в наёмные работники. Хочешь получать больше – учись. А вот своим «липовым гуманизмом» правительство только оттягивало принятие ключевых реформ. И что? Население как жило колхозом, так и ждёт, что его в этот колхоз опять вернут. Но этого уже не будет!

– Погодите! Но Вы же в курсе, что многие предприятия, из приватизированных, обанкротились.

– Ну, это естественно. Бывшие партийцы и комсомольцы возомнили из себя крутых бизнесменов, нахватили заводов, а что делать с ними не знают. Всё их умение – красиво взять обязательство, потом красиво отчитаться, даже если обделались. Вот и результат. Вернулись кумовство, блат. Свободных предпринимателей «душить» начали. «Своим» и заказы, и послабления, а «чужим» – шиш с маслом. Только налоги с них дерут. Как итог: нет конкуренции – нет развития.

– А вот Полковник тут при чём? Мы ведь с него начали, – решил я вернуть разговор на интересующую меня тему.

– Полковник решил, что приватизация – зло. И её необходимо отменить. Но это же опять возврат назад! Вы ведь понимаете, почему от «совка» так легко отказались? Потому что было всё общее, значит ничьё. А так быть не может. У всего должен быть хозяин, с которого, если что, и спрос. Была б собственность конкретных людей – разве так легко они сдались?

– Так мы же знаем, как эта приватизация проводилась. И в чём-то Полковник прав.

– Да, верно. Такой момент был тогда, что нужно было торопиться. Распихивали это «советское наследие» практически всем, кто хотел. И ваучеры раздали, чтоб население поучаствовало. Ведь работники могли взять предприятие в коллективную собственность и управлять сообща. Заметьте, это было вполне справедливо. Мы никого не обманывали. Теперь вот, со временем-то, и стало видно – кто на что горазд. Где-то работают, процветают. А кто-то продал всё, да смылся за границу.

– Мне кажется, Вы что-то недоговариваете. Против результатов приватизации не только Полковник выступал, но и коммунисты до сих пор выступают. Однако сидит только он. В чём причина?

Чиновник тянул с ответом. «Неспроста», – подумал я. – «Боится правду сказать?»

– Да как Вам сказать... Видите ли, он считает, что русских обманули и продолжают дурить «инородцы», скажем так. Ну там евреи, армяне, азербайджанцы. Вроде как заговор против русского народа. Чуть ли не война на уничтожение. Но это же не так, у преступности нет национальности. И русских преступных группировок хватает, да и этнические нередко покрываются русскими «силовиками». И те никаких угрызений совести не чувствуют, главное свой карман набить. Сами друг друга травят дешёвым пойлом; опускают, считая «лохами», а виноваты евреи? То, что диаспоры помогают своим землякам, так это нормально. Кто рус-

ским мешает так же поступать? Пусть создают общины или коммуны, своих депутатов двигают, спрашивают с них. Всё ждут, когда их власть научит и заставит. А попробуй только назови русского ленивым, всё – «руссофоб». Есть законные способы влиять на власть – используйте. Но вот с вилами на Кремль – это уже, извините, деструктивизм какой-то.

– Так ведь те же евреи выбирают себе почему-то банковскую сферу или ещё что, связанное с финансами. В шахтёры и трактористы не идут. Чем Вам не «еврейский банковский синдикат»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.